

Принцип общей контекстуализации в сербской диахронической лингвистике

В. Савич

Филологический факультет Белградского университета (Белград, Сербия);
Институт сербского языка САНИ (Белград, Сербия); viktor.savic@isj.sanu.ac.rs;
ORCID: 0000-0001-7003-3201

Аннотация. В статье рассматривается положение дел в современной сербской диахронической лингвистике с точки зрения преодоления недостатков, накопившихся за предшествующий период. Высказывается тезис о необходимости большего обращения сербского языкознания к вспомогательным историческим дисциплинам — историографии и другим наукам исторического направления, которые продвинули бы вперед понимание научного предмета путем применения междисциплинарного подхода. Основной тезис статьи подтверждается иллюстрациями из новейшей научной литературы, изложением основных этапов в эволюции научных взглядов на ключевые памятники ранней южнославянской письменности, анализом случаев значительного разброса мнений относительно времени и места создания ряда рукописей и источников (Мариинское Евангелие, Летопись попа Дуклянина, отрывок Апостола Михайновича, Черепишский Типикон и др.), прогресс в исследовании которых оказывается возможным именно благодаря привлечению разного рода экстралингвистических сведений.

Ключевые слова: сербская диахроническая лингвистика, история языка, вспомогательные исторические дисциплины, контекстуализация.

The principle of general contextualization in Serbian diachronic linguistics

Viktor Savić

University of Belgrade — Faculty of Philology (Belgrade, Serbia);
Institute for the Serbian Language, Serbian Academy of Sciences and Arts
(Belgrade, Serbia); viktor.savic@isj.sanu.ac.rs; ORCID: 0000-0001-7003-3201

Abstract. As opposed to literary history, the development of modern Serbian diachronic linguistics has for many decades been unrelated to auxiliary historical disciplines like historiography and other historically oriented sciences, which has largely resulted from a growing gap between social sciences, humanities and philological sciences, as well as from a general decline in the volumes and character of collaboration among professionals in these two compatible research areas. Notably, however, this precarious situation is not limited to Serbia alone, with examples of similar developments in Slavic studies found in other countries as well. Both branches of language history, i.e. that addressing literary language and that addressing vernaculars, must turn more attention to auxiliary historical disciplines, to not only ensure higher accuracy of the results, but also to improve the general scope of academic practices. With the nature of the surviving medieval linguistic corpora in mind, studies in literary language history could especially benefit from a closer and more profound connection with the whole range of history-oriented sciences. This would help eliminate the main disadvantage of isolated linguistic research by placing the research object in a more general context, providing a close connection between research procedures and knowledge from other research areas. As a result, the researcher would be presented with a more complete picture and a greater potential for pertinent interpretation of facts. The paper proposes to apply the abductive method adopted from historiography which has strongly contributed to modern studies by enabling major intellectual shifts and growth of scholarly knowledge. It has been, as far as the Serbian environment is concerned, particularly significant in analyses of the early medieval history. The paper demonstrates the potential of this logical procedure on the study of a late 12th-century manuscript fragment that has helped determine the most probable place for the fragment in the history of Serbian spiritual and written culture.

Keywords: Serbian diachronic linguistics, the history of language, auxiliary historical disciplines, contextualization.

1. Постановка проблемы

Можно заметить, что в сербской диахронической лингвистике десятилетиями принципиально нарушается правильное отношение к лингвистическому источнику исторического характера, что по сути является следствием разобщения социально-гуманитарных и филологических наук и уменьшения объема и изменения природы междисциплинарного и коллегиального сотрудничества исследователей данных областей — в контексте настоящей работы в первую очередь историков языка и историографов¹. Эта тенденция привела к разделению философского и филологического факультетов Белградского университета (1960 г.), что было событием в высшей степени символичным, а на практике студенты-филологи лишились предмета «Вспомогательные исторические дисциплины» (палеография, филигранология, сфрагистика и т. д., большей частью интегрированные в археографию). Подготовленные специалисты в основном не(достаточно) знакомы с этими дисциплинами, верность которым сохраняют лишь представители старшего поколения филологов, получившие (хотя бы отчасти) образование также и на философском факультете в Белграде или в Нови-Саде, в кругу Петра Джорджича (1904–1989), автора «Истории сербской кириллицы» (1971 г.), известнейшего сербского палеографа, профессора

¹ Ранее, в XIX в., готовились и выпускались специалисты, интересовавшиеся и одинаково владевшие обеими областями. Известный специалист и пример этой сербской традиции — Стоян Новакович (1842–1915), талантливый ученик Джюры Даничича (1825–1882), автор объемных и важных трудов по филологии и истории (библиографию Новаковича см. в: [Мереник 2017]). Уже Александр Белич (1876–1960), ведущий сербский лингвист XX в., глубоко интересовавшийся сербистикой (позднее — сербокroatистикой) в целом, известный трудами по диалектологии и истории народного языка, в меньшей мере интересовался древнейшей историей книжного языка (до XIX века), а тем более — историографией как в то время вполне уже самостоятельной научной областью, что, учитывая все обстоятельства, объяснимо (библиографию Белича см. в: [Грицкат 1959–1960]).

(палео)славистики (на пенсии с 1974 г.)². Гораздо лучше обстоит дело с литературоведами благодаря традиционной приверженности специалистов по истории древней литературы комбинированному историко-текстологическому подходу³.

2. Примеры соединения диахронической лингвистики и вспомогательных исторических дисциплин

Хорошим примером современного положения дел может послужить изучение Святостефанского хрисовула — грамоты об основании и дарении, выданной ктиторскому монастырю короля Милутина Баньска вблизи нынешней Косовска-Митровицы (1316–1318). Еще

² Библиографию Петра Джорджича см. в: [Djordjić 1984].

³ Кроме того, сербские историки древней, в основном средневековой, литературы больше обращаются в Отдел археографии Национальной библиотеки Сербии, где десятилетиями развивается совместное сотрудничество в Отделе или в непосредственном контакте с историками искусств, из рядов которых в сербской среде вышли специалисты по палеографии и кодикологии под эгидой археографической школы Владимира Алексеевича Мошина (1894–1987), получившего образование в Санкт-Петербурге, Киеве, Белграде, Загребе и даже Скопье и бывшего первым руководителем Отдела археографии (1961–1965) (библиографию Мошина см. в: [Палибрк-Сукић 2008]). Двумя главными продолжателями этой филологической концепции, историками литературы старшего поколения были Димитрие Богданович (1930–1986), заведующий Отделом археографии (1968–1974) (библиографию см. в: [Суботин-Голубовић, Пузовић 2016]), и Джордже Трифунович (1934), автор семинара по палеославистике на филологическом факультете в Белграде (1982), где обучались в основном историки литературы и, в виде исключения, лингвисты (библиографию см. в: [Витић 2001]). Тем не менее историки сербского языка старшего поколения активно участвовали в работе Отдела археографии — заведующая Ирена Грицкат-Радулович (1922–2009), лексикограф, историк языка и пр. (1974–1977) (библиографию см. в: [Марковић 2010]), и Александр Младенович (1930–2010), историк языка и диалектолог (1978–2010) (библиографию см. в: [Богдановић, Недељковић 2020]), а также сотрудники Любица Штавлянин-Джорджевич (1932–2019) и Биляна Йованович-Стипчевич (1927–2016).

в 1986 г. Павле Ивич отметил в фонологической системе документа вокализм с позднепраславянскими элементами, неожиданный для зрелого этапа развития сербского языка [Ивић 1987: 94; Лома 2013: 290–294]: наряду с сохранением *полугласного* (ь) и *ятя* (ѣ), встречаются *мягкий р* (р') и *ы* (ы). Однако анализ издания Любомира Ковачевича 1890 г. поставил эти замечания под сомнение из-за содержащихся в тексте типичных штокавских инноваций. Лишь ревизионная работа с цифровыми снимками оригинала исключила интерполяции издателя и показала, что языковая система памятника анахроническая [Савић 2017: 137–139]; более того, в ней был дополнительно выделен акцентный архаизм — древнейшее обозначение долгого неоакута в сербоязычном регионе [Савич 2019: 324–326].

Впрочем, с аналогичными проблемами, вызванными недостаточным привлечением вспомогательных исторических дисциплин, сталкивается и зарубежная славистика. Это доказывает наш опыт, приобретенный в 2010 г. в Болгарии, где нам представилась возможность работать над Черепишским Типиконом (ЦИАИ 44). Предполагалось, что он лежит в основе «Ока церковного» — типикона русской редакции (1401), образца для всех поздних типиконов в славянской православной церкви из семьи Иерусалимского Типикона⁴. Непосредственное знакомство с памятником нас озадачило: в описании и в литературе рукопись отнесена к концу XIV — началу XV в. (основное: [Христова и др. 1982: № 123. С. 58]) и связана с литургической реформой патриарха Евфимия Тырновского (1375–1393). Однако уже на первый взгляд было ясно, что памятник не из того времени. Мы выполнили палеографический анализ, сняли копии водяных знаков, которые затем проанализировали в Белграде, и пришли к выводу совершенно иному: бумага, на которой писалась рукопись, относится к интервалу между 1545 и 1555 г., а это значит, что Типикон написан в то время либо пару лет или даже десятилетие спустя [Савић 2014: 578]. При этом графико-орфографический и языковой анализ выявил заметные следы редактирования по сербскому образцу [Савић 2014: 590–591]. Текстологический

⁴ Об историческом развитии здесь, как оно прежде представлялось науке, см. общий обзор в: [Пентковский 2004: 168, 169].

анализ путем сопоставления памятника, а именно его содержания и структуры, а затем и обнаруженных в нем недочетов и ошибок, с Сербским Типиконом из монастыря Печской патриархии (№ 103), действительно относящимся к XIV веку [Савић 2014: 580–584, 586–590], показал, что этому памятнику нужно отвести другое место в истории славянской культуры. Помещение Черепишского Типикона в единственно возможный контекст выявило, что его возникновение связано с повторным установлением Печской патриархии (1557) и что этот памятник не исключительный образец болгарской культуры конца XIV в., а результат более поздних сербско-болгарских контактов, установившихся через церковные организации, обусловленный распространением влияния обновленной Сербской церкви [Савић 2014: 592]⁵; единственным исключительным фактом является то, что в столь позднее для западной Болгарии время книга написана болгарской, а не сербской языковой редакцией, как можно было ожидать [Савић 2014: 592].

3. Принцип контекстуализации в изучении языковой истории

Синкретический подход к истории языка — как к филологической дисциплине, не только лингвистической в узком смысле, но граничащей с широким спектром социально-гуманитарных областей, — влияет на ее плодотворность и эвристическую привлекательность, открывая больше точек наблюдения, делая ее более интересной. Если историк языка в повседневной деятельности прибегает к вспомогательным историческим дисциплинам, то разные виды практического, физического изучения источников становятся одним из ведущих методов не только в фазе отбора материала, но и во всей его работе. Археография и текстология по причине еще недостаточно

⁵ Черепишский монастырь Успения Пресвятой Богородицы находился совсем недалеко от территории под юрисдикцией Сербской церкви — вблизи Врацы, на северо-востоке от Софии.

исследованных или совсем не исследованных первичных источников делают возможными открытия различного характера: здесь нужна систематическая работа по идентификации содержания источников, по их типологизации, по соотнесению фактов — и новости в науке не заставят себя ждать. Между тем привычный грамматический подход к истории языка, особенно в сербской научной среде, по-прежнему оставляющий лакуны в обработке древнесербского материала, и более всего по вопросу тщательного изучения отдельных языковых черт в диахронии и диатопии, а также на уровне памятников в целом с их необходимой систематизацией, уже исчерпал себя.

Ощущается реальная потребность в применении метода, придающего необходимый смысл исследовательской деятельности, с помощью которого новые открытия связывались бы с имеющимися знаниями, и обеспечивающего интеграцию спорадических и несвязанных элементов из области лингвистики и их трансляцию в нарративный мир родственных, но разобщенных областей знаний с целью сопряжения параллельных систем внутри единой познавательной схемы. Это подразумевает в первую очередь взаимопроникновение, то есть общестимулирующее наложение науки о языке и исторической науки. Помещение языковых фактов в адекватный социально-исторический контекст и смена модели *ars demonstrandi* моделью *ars inveniendi* позволяет увидеть не только контуры, но и более четко дифференцировать общую картину. Принцип контекстуализации, как доказывает наш опыт, весьма продуктивен в отношении раннего Средневековья — конститутивной фазы сербской письменности. Если говорить о сербской истории, то это эпоха, которая началась в последние десятилетия IX и, не ограничившись концом XI в. ввиду особых обстоятельств, которые действовали на южнославянской территории в составе Византийского царства того времени, продолжилась до середины XII и даже до конца этого столетия (символическую границу представляет возведение монастыря Хиландар на Святой горе Афонской в 1198 г.). Учитывая интернациональный характер высокой культуры Средневековья — и церковной как духовной, и государственной как культуры цивилизации — потенциал ее исследования выше потенциала национальной культуры этого далекого периода, хотя

и здесь могут проводиться некоторые аналогии. Вот почему создается впечатление, что большего результата можно ожидать от исследований истории книжного языка, чем истории народного языка, хотя оба направления деятельности заслуживают должного внимания⁶.

На практике такой подход реализуется в двух планах — в микро- и макроплане, путем микроконтекстуализации и макроконтекстуализации. В первом случае лингвистика обращается к вспомогательным историческим дисциплинам. Так, «облагораживанием» основного плана обретается набор надежных и точных сведений. Во втором случае единицы, полученные таким образом, встраиваются в эпистемологический горизонт, развернутый историческими науками, причем сам предмет диктует, будет ли это только история или еще и археология, история искусств и даже история права, история церкви, теология с литургикой и т. д. Например, чтобы определить, был ли знаком святой Савва Сербский (около 1175–1235) в период написания текстов, представляющих зачатки оригинальной сербославянской письменности, с литературным творчеством святого Климента Охридского († 916), необходимо принять во внимание несколько факторов (см. [Савић 2019: 141, 145, 153]), прежде всего — присутствие в программе росписи сербских церквей времени Саввы образа Климента в рамках иконографии, т. е. его сакрального культа, о чем можно судить на основании сохранившейся фресковой живописи⁷;

⁶ Средневековый сербский литературный язык — вариант общего, церковнославянского до конца своего существования в XVIII в. Народный язык того времени — автономное продолжение праславянского с небольшой внутренней диалектной дифференциацией, до XIV–XV веков грамматически не сильно отличавшееся от других славянских народных «языков» (позднее установление основных различий между славянскими языками известно в науке, напр. [Лашкова 2010: 13]). По сути, обе языковые системы долгое время были дифференцированы в основном на фонологическом уровне (другие уровни оставались схожими), каждая по-своему, с четкой дистрибуцией на определенной географически-политической территории.

⁷ Образ Климента до начала XIV в. имел локальный характер, ограниченный географической территорией, отдаленной от сербских земель [Војводић 2012: 156–157]; ср. [Савић 2019: 149].

недостаточно опираться лишь на то, упоминается ли его имя в месяцесловах того времени; то же относится и к святым Кириллу († 869), Мефодию († 885) и другим славянским учителям.

В результате мы получаем единицы высшего порядка, которые не относятся лишь к одной из дисциплин и могут быть продуктивными для каждой из них в отдельности. Так что нашей науке, а в первую очередь — истории литературного языка, это только на пользу.

Как на втором этапе исследования делать выводы? Помещение фактов знания первого порядка в трехмерный контекстуальный модуль — так можно назвать эти рамки с пространственными и временными координатами, — где они обрели бы свое место, возможно только в заранее позитивистски сконструированном культурно-историческом пейзаже. Можно делать также терциарные выводы, компенсируя ими незначительные лакуны в познавательной цепочке. В этом смысле будет иметь место поиск логических объяснений, дающих ответы на максимальное число поставленных вопросов с учетом всех релевантных аспектов; вместе с тем наиболее удачным объяснением будет самое простое. Это не что иное, как абдуктивный метод (лат. *abductio*), распространенный сегодня в эмпирических науках. Полученные таким образом сведения принадлежат к сфере актуальных, не фундаментальных знаний, так что к выводам прибавляются градуированные модальные квалификаторы «может быть», «вероятно», «наиболее вероятно», «судя по всему», а иногда и «в самом деле»⁸.

⁸ Современный подход к этому логическому методу, определение которому в 1903 г. дал американский философ Чарльз Пирс (1839–1914), десятилетиями разрабатывавший соответствующий концепт, выстроил американский философ Гильберт Харман (1938–2021), придерживаясь эпистемологического начала «The Inference to the Best Explanation» — «умозаключением к наилучшему объяснению» [Harman 1965]. Чарльз Пирс, следуя идеям Аристотеля, абдукцию относил к числу трех основных принципов заключений, наряду с дедукцией и индукцией, сами по себе они являются неполными (нужна их взаимная координация). Абдукция, т. е. выдвигание предположения, гипотеза или ретродукция — важный сегмент научного мышления, которым (новаторски) объясняются факты; это наиболее плодотворный, хотя и менее надежный способ заключения; абдукция — в отличие от дедукции, которая доказывает то, что должно

4. Опыт сербской историографии

В сербскую историческую науку этот метод ввел рано ушедший из жизни историк, представитель ныне среднего поколения Тибор Живкович (1966–2013), применяя его к раннесредневековым историческим источникам, изобилующим текстологическими и другими проблемами, во многих своих монографических публикациях⁹. Получены многообещающие результаты, продвинувшие научную мысль вперед с той точки, на которой она оставалась десятилетиями, но не всегда приведшие к окончательным и решающим заключениям. Особенно интересен анализ Живковича «Gesta regum Sclavorum», более известного как «Летопись попа Дуклянина» (или «Барский родослов»), — одного из сложнейших для ранней южнославянской истории источников (а именно: «вряд ли» найдется «в европейской литературе ⟨...⟩ произведение более сложное» [Живкович 2009: 376]), который якобы относится к периоду 495–1161 гг. и в котором излагается фантастическая повесть о «королях Далмации», зафиксированная около 1170 г.¹⁰ В связи с этим, в науке прежде считалось, что это первое историографическое сочинение южных славян ([Живкович 2009: 25–26 и прим. 2])¹¹. Поступатель-

быть, — подсказывает то, что может быть; в этом смысле «логикой абдукции» является прагматизм (см. [Pierce 1974: 94–134]). Следовательно, путем абдукции, исходя из верной оценки, можно дать наиболее простое и вероятное объяснение совокупности сведений (абдуктивная валидация); сделанный таким способом вывод убедителен, но не вполне надежен; применение этого метода ускоряет прогресс в науке. Об этом методе в [Савић 2019] см. [Ивановић 2021: 680].

⁹ Библиографию Тибора Живковича см. в: [Мереник, Црнчевић 2016].

¹⁰ Время возникновения «Летописи» по-разному определялось в XII в. [Живкович 2009: 25–26, прим. 3].

¹¹ *Editio princeps* на итальянском этого произведения — издание Мавро Орбини (1563–1615), «Rè di Dalmatia et altri luoghi vicini dell’Illirico dall’anno del Signore 495. Finna 1161» (Пезаро, 1601), а на латинском языке — перевод Ивана Лучича (1604–1679), «Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum», в рамках его «De Regno

ными выводами с привлечением, по словам автора, «*circumstantial evidence[s]*» и «сильных индий», с опорой на внутренний анализ текста [Живковић 2009: 341, 360] Тибор Живкович приходит к заключению, что наиболее вероятным заказчиком произведения был бан Павел I Шубич, правивший с 1272 г. до первого десятилетия XIV в., а автором — барский архиепископ и иностранец, чех почтенного возраста, по-видимому принадлежавший к ордену цистерцианцев аббат Рутгер, возглавлявший Барскую церковь в 1298–1301 гг. [Живковић 2009: 339–350, 350–372, 373]. Живкович делает также вывод, что первая редакция произведения написана в Сплите (так наз. «хорватская редакция»), в 1295–1298 гг., вторая — в г. Бар («расширенная версия»), в 1299–1301 гг. [Живковић 2009: 348, 363, 373–374]¹². Этот метод применяется в настоящее время и другими

Dalmatiae et Croatiae libri sex» (Амстердам, 1666). Лучичу для перевода послужило произведение Марка Марулича (1450–1524), правда переведенное с «далматинского» «*Regum Dalmatiae et Croatiae gesta*» (1510). Людовик Цриевич-Туберон (1458–1527) первым цитировал и вообще упомянул мистического «писца Дуклянина» в своих «*Commentaria de temporibus suis*» в начале XVI в. (опубликовано во Франкфурте лишь в 1603 г.) (краткий обзор см. в: [Vujan 2011: 66, 2008: 6–7]).

¹² В то же время в заключении одного независимого исследования, основанного на схожим образом применяемом методе, отмечается, что «Летопись попа Дуклянина» — фальсификат бенедиктинца Мавро Орбини (исторические фальсификаты в то время были не редкостью), выстроившего свою легендарно беллетризованную повесть на основании нескольких еще не опубликованных рукописей, обнаруженных им в библиотеке Людовика Цриевича-Туберона на острове Млет (1527). Среди источников и латинский текст Марко Марулича, «генеалогия иллирийских королей» которого автор использовал во введении, и Комментарии Туберона, и Дубровницкие анналы в редакции Николы Ранина («*Annales Ragusini Anonymi*») с «историей славянских королей», которыми созданы нарративные рамки большой «длительности» [Vujan 2011: 65–66, 68–69, 2008: 7, 10–17, 36]. Достоверность сказания Орбини придал привлечением различных бенедиктинских рукописей и недавно опубликованных произведений византийских историков [Vujan 2011: 70–73, 2008: 17–22]. Фальсификат содержит цитаты хорошо известных читателям источников, использованные весьма удачно, и сопровождается комментариями на полях в манере средневекового писца, кое-где даже оценкой текста «Дуклянина», что вместе с другими утонченными приемами

сербскими историками, в основном византинистами, и он продуктивен при установлении нарративной нити между старшими византийскими источниками для освещения истории южнославянских народов, когда речь идет о периодах, которые не описаны в национальных источниках и о которых не имеется четких представлений.

5. Поиск конкретных и подходящих решений

Для движения сквозь любую особую материю необходимо подобрать специфический ключ. В нашем случае исследование направлено на обнаружение древнейших памятников письменности — собственно сербских, а также каким-то образом связанных с сербским культурным прошлым, но не сербских в узком смысле. Наш ключ — это наложение двух совместимых факторов. Первый выделил еще Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941) в разборе одного неудачного исследования о Мариинском Четвероевангелии, где утверждалось, что сербская языковая особенность (сербский языковой маркер) — всегда сербская, даже тогда, когда она встречается в неожиданном месте (вне сербского языкового контекста), — в данном случае речь шла о некоторых сербизмах в Супрасльском сборнике [Кульбакин 1924: 219; ср. Савић 2019: 20]. О втором факторе скорее вскользь упоминает Ватрослав Ягич (1838–1923) в сопровождении к изданию Мариинского Четвероевангелия. Это хронологическая стратификация языковых черт в памятнике: памятник содержит старший, старославянский хронологический слой восточноюжнославянского типа и младший, западноюжнославянский — штокавский (по развитию и диалектной принадлежности противопоставленный первому); они не могли возникнуть

заставляет поверить в то, что его вообразимый источник реален [Vujan 2011: 73–76, 2008: 22–28, 37]. При этом перевод текста на итальянский язык — ловкий маневр. Больше о происхождении сведений в «Летописи попа Дуклянина» см. в анализе произведений дубровницкой историографии эпохи гуманизма в: [Коматина 2020].

в одно время и в одном месте, т. е. их параллельное присутствие — следствие перемещения текста с одной территории на другую; младшие черты относятся к территории, на которой текст списан в последний раз; это значит, что памятник происходит из региона, вторичного в случае Мариинского Четвероевангелия, — штокавского (ср. [Ягичь 1883: 410, 423–438]). Опираясь на данное утверждение Ягича, Ясмина Гркович-Мейджор путем фонологического анализа памятника доказывает, что хаотичное смешение полугласных во всех позициях свидетельствует об уже сформировавшемся сербском произношении; следовательно, Мариинское Четвероевангелие — памятник сербской редакции старославянского языка, а не старославянский памятник в узком смысле слова [Грковић-Мејџор 2011: 48, 50]. При этом стоит помнить, что понятие старославянского «языка» относится не к языковому единству, а к общему «периоду» [Грицкат 1975: 27], что говорит о необходимости пересмотра определения предмета палеославистики (ср. [Грковић-Мејџор 2011: 43–44]). На указанное исследование опирается и наше помещение памятника в широкий языковой и исторический контекст. В плане языка нами проведена хронологическая и топографическая стратификация с привлечением наиболее надежных источников — эпиграфических, причем на единственно возможной хронологической шкале определено место как самого евангелия, так и его образцов, протографа и т. д., где распределены также данные церковной истории, политической истории, археологии и т. д. Контекст значим и для самой науки о языке: одни языковые и орфографические черты в абсолютной хронологии соответствуют одному разрезу времени, если говорить о памятнике с центральной территории; но если речь идет о памятнике, писанном на периферии, со смещением, т. е. физическим отдалением от культурного центра, что приводит к изменению временной протяженности, те же черты будут относиться к другому разрезу времени (ср. [Савић 2019: 169]). Игнорируя этот фактор, палеославистика и сегодня допускает ошибку. Мариинское Четвероевангелие не могло быть написано в конце X или начале XI в., но создавалось во второй половине XI в., а когда — с учетом обязательной пространственной локализации на территории, границы которой приблизительны, — определяют связанные с этим временем

исторические события, как то: войны, стиль жизни, изменение границ государства, сопровождающееся возможными проблемами церковной юрисдикции, рельеф, условия жизни, населенность, археологические подтверждения культурных центров и т. д. (ср. [Савић 2019: 173–174]). Так, когда Ватрослав Ягич первым высказывал предположение о месте возникновения Мариинского Евангелия [Ягичь 1883: указ. цит.], а также отрывка Апостола Гршковича [Jagić 1893: 40], отрывка Апостола Михановича [Jagić 1868: 15] и других памятников этого круга, он делал это, очевидно, с большой степенью произвольности, ведь и знания того времени были ограничены. Сегодня ситуация позволяет нам выводить логические, подкрепленные фактами заключения на более прочной основе, но нужно отдавать себе отчет в том, что уже через несколько десятилетий научный аппарат, на основании которого делаются выводы, будет несравним с тем, которым мы располагаем сейчас.

6. Апостол Михановича — пример анализа

Наш метод хорошо иллюстрирует анализ места отрывка Апостола Михановича в южнославянской культурной истории. Речь идет о фрагменте, который Франц Миклошич (1813–1891) отсоединил от обложки Иловицкой Кормчей, написанной в 1262 году¹³. Иловицкую Кормчую приобрел австрийский дипломат Антун Миханович (1796–1861) в окрестностях г. Скопье¹⁴. Судя по записям, до этого она долго хранилась в Марковом монастыре, где попала в руки сербского патриарха Арсения IV Йовановича-Шакабенты (1698–1748) до Второго переселения сербов в Габсбургскую монархию (1739/1740)¹⁵. После выкупа у Михановича собрания рукописей

¹³ Рукописный отрывок открыл для науки Павел Йосиф Шафарик (1795–1861); это был пергаменный двойной лист, вложенный в переплет Святосавского Номоканона (см. [Šafařík 1853: X]).

¹⁴ Обзорно об открытии и истоках изучения отрывка см. [Jagić 1874: 60–61].

¹⁵ Записи в Иловицкой Кормчей см. в: [Mošin 1955: 52–54].

памятник оказался в Югославянской академии наук и искусств (в конце 60-х годов XIX века), ныне Хорватской академии наук и искусств¹⁶. Первым и долгое время единственным, кто серьезно изучал этот фрагмент, был Ватрослав Ягич, назвавший его в подзаголовке своего труда «рукописью рода хорватского» [Jagić 1868: 1]. Причина такого определения проста: тогда считалось, что глаголица использовалась только в хорватской и болгарской средневековой письменности. Ягичу сразу показалось необычным, что памятник написан глаголицей и в упрощенной орфографии, поэтому он посчитал, что памятник хорватский и что это некий литургический тип, неизвестный на Западе, — праксапостол (особым образом составленный Апостол для нужд православного богослужения), следовательно, фрагмент этого типа мог быть единственным к тому времени известным исключением. Далее Ягич рассуждал: если эта книга возникла где-то на территории Сплитской архиепископии, к которой в церковном отношении принадлежала Далматинская область, где писали глаголицей, она «из-за письма и текста» должна быть гораздо старше всех сохранившихся хорватских письменных памятников и возникла не позднее первой половины XII в. Если же она написана «где-нибудь дальше на юге или востоке», говорит он, это могло произойти в конце XII или начале XIII в. [Jagić 1868: 14–15]¹⁷. И затем следует

¹⁶ О судьбе собрания Михановича см. [Mošin 1955: 6 и прим. 5].

¹⁷ Безусловно, этого быть не могло, т. к. Сплитская архиепископия окончательно возвращена Римской церкви приблизительно в 923 г. (организационно на сплитских соборах в 925 и 928) после временного подчинения Царьградской церкви (о присоединении Сплитской церкви к Римской решением императора Романа I Лакапина (920–944) см. [Живковић 2004: 70, 118–129]; о краткосрочном выходе Далмации из Римской церкви см. [Живковић 2004: 55–71; Коматина 2016: 47–50]; о формировании Нинской епископии в рамках Аквилейской патриархии в следствии Ахенского мира (812 г.) вопреки интересам Римской церкви и о последующем ее присоединении к Святейшему престолу в IX веке см. [Живковић 2004: 107–115; Коматина 2016: 55]. Так, на всей западной церковной территории с развитым славянским богослужением, проистекшим из недолговечной Паннонской и Моравской церкви Мефодия Славянского (869/870–885), не было условий для создания и использования книг восточного обряда.

вывод — вероятно, с опорой на тот факт, что отрывок Михановича послужил материалом для переплета Иловицкой Кормчей, — что тип глаголицы, встречающийся в этом памятнике, «посередине между болгарским и хорватским» (а именно «болгарскохорватский») и «мог бытовать в старой Зете и Диоклетии» [Jagić 1868: 15], т. е. остаток Апостола — из этого южнославянского региона. То, что отрывки Апостола Гршковича и Апостола Михановича возникли «к югу или востоку от Сплита», и сейчас общепринято в науке (напр., [Štefanić 1969: 7]). Тогда еще более неясно, как Ягич мог распознать во фрагменте памятник хорватского происхождения, т. е. хорватской редакции старославянского языка, — на основании каких культурно-исторических и этнолингвистических данных за указанный период?

Уже в первом приближении связь этого фрагмента с Зетским Приморьем выглядит непрочной: анализ переплета показал, что он явно не принадлежит к XIII в. — правда, и во время Ягича предполагалось, что переплет относится к концу XV в.¹⁸ Владимир Алексеевич Мошин — хотя он лично склонялся к тому, что речь идет о первичном состоянии, — также соглашался с тем, что глаголические листки могли попасть в книгу в любое время: либо в нынешний переплет XIII — первой половины XIV в., о котором неизвестно, первичен ли он, либо при последующей реставрации [Mošin 1955: 50]. Таким образом, отрывок Апостола Михановича мог быть включен в Иловицкую Кормчую когда угодно и где угодно на пути жизни этой книги, переплет которой в прошлом мог неоднократно повреждаться из-за ее внушительных размеров:¹⁹ от монастыря Святого архангела Михаила вблизи Тивата, ныне в Черногории, до Маркова монастыря недалеко от г. Скопье, ныне в Северной Македонии (см. [Савич 2017: 237–239]).

Лингвистический анализ доказывает, что в суперстратном старославянском слое здесь проявляются штокавские, а не чакавские

¹⁸ В свое время Валтазар Богишич (1834–1908) сообщил Ягичу мнение специалистов из Венской императорской библиотеки о том, что актуальный переплет «Сербского Номоканона» относится к концу XV в. [Jagić 1868: 3].

¹⁹ Книга большого формата, 24 × 31 см, имеет 400 пергаменных листов и весит свыше килограмма (физическое описание см. в: [Mošin 1955: 48–50, № 24]).

языковые черты. Даже если бы мы не знали наверняка, о каком типе языковой редакции идет речь, достаточно было бы сопоставить типологические характеристики наиболее надежных, эпиграфических памятников в западноюжнославянском регионе. Очевидно, что чакавское наречие лежит в основе хорватской, а штокавское — в основе сербской редакции старославянского языка [Ивић 1990: 89].

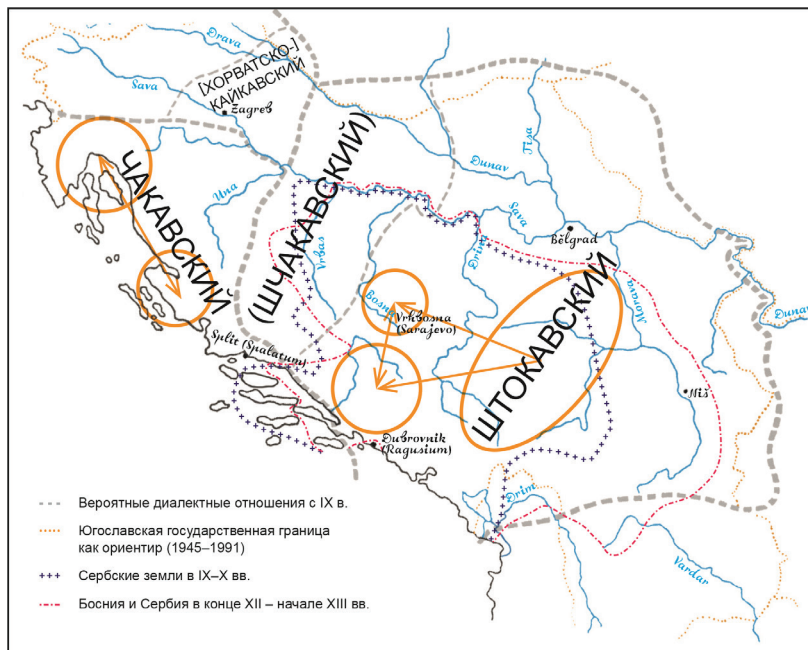

Рис. 1. Карта большей части западноюжнославянского региона с обобщенным диалектным членением и обозначением зон, в которых сгруппированы ранние эпиграфические памятники

Fig. 1. Map of the larger part of the western South Slavic area with a generalized dialectal division and designation of zones, in which early epigraphic written monuments are grouped²⁰

²⁰ В иллюстрации использованы данные, расположенные на карте в виде различных слоев: а) карта вероятных сербохорватских диалектных соотношений

Вместе с тем литургическая квалификация памятника, а тем самым и тип церковной книги, о котором Ягич отзывался скептически, как уже было подчеркнуто (см. прим. 17), соответствуют литературному репертуару Восточной церкви [Jagić 1868: 12–14]. Возникновение этой книги, таким образом, стоит искать в восточном секторе.

Сопоставление языковых характеристик и текстологического возраста этого памятника с учетом результатов палеографического анализа свидетельствует о том, что рукопись относится приблизительно ко второй половине XII в., ближе к концу столетия. Но точка опоры для палеографической датировки не слишком надежна, т. к. глаголическое письмо и консервативное правописание отличаются от письма и правописания отрывка Апостола Гршковича и Венских листков, памятников того же столетия, что говорит о его возникновении в «другой среде» или в «другой школе» [Кульбакинъ 2008: 128]²¹. Не более

в Средние века с IX в. Ивана Поповича [Поповић 2007: 294, [Карта 11]] и карта предмиграционных говоров Далибора Брозовича, отражающая средневековое состояние; вопреки массовым недостаткам, она берется как ориентир с условной ценностью («Karta predmigracionog rasporeda hrvatskosrpskih narječja» [Brozović 1970: 38]; ср. схожую карту «Predmigracijski raspored srednjojužnoslavenskih narječja» [Lisac 2003: 164–165, Karta 6]); для данной проекции имеет значение лишь предполагаемое соотношение в регионе чакавских и штокавских говоров, а не внутреннее распределение штокавского диалекта и распространение его в глубину (на севере и востоке), т. к. сербская редакция, возникшая в одной, прирэнско-тимокской, диалектной зоне, до XIV века едина; б) распространенность хорватских глаголических эпиграфических памятников прежде всего XI–XIII в. в северной Далмации, по топографическим представлениям Бранка Фуича [Fučić 1982: 1–5, sl. 1–2, 8–8a]; в) распространение сербских кириллических эпиграфических памятников на центральной территории Балканского полуострова, нанесенных на карту сербских земель второй половины XII — начала XIII века приблизительно в тот же период [Чигоја 1994: [123]]; г) карта сербских земель в IX и X веках в исполнении Милоша Благовича, основанная на произведении «De administrando imperio» Константина VII Порфирогенита [Благојевић 1999: 35, III]; д) карта сербских земель второй половины XII и начала XIII века, также по изображению Милоша Благовича [Благојевић 1999: 40, I].

²¹ Палеографическое описание глаголических букв см. [Štefanić 1969: 39; Кульбакинъ 2008: 127–128]; ср. [Jagić 1868: 16–20].

надежным параметром является и кириллица, а именно некоторые кириллические буквы, использованные в графической системе как варианты глаголических, — к сожалению, только И и М (см. [Jagić 1868: 4, 19; 20/21 табл.]), буквы, форма которых не претерпела значительных изменений во второй половине XI и в XII вв. настолько, насколько это могло бы решить вопрос о датировке (широкий обзор состояния в сербской традиции см. в: [Кульбакин 1925: 9, 14–15]; ср. [Ђорђевић 1971: 51, 52, 86–88]). И все же общее впечатление о переходном статусе глаголического письма и дискретные сигналы начертания кириллических букв (слегка скошенная перекладина буквы И; угловатый средний элемент буквы М в некоторых местах устремляется под строку) говорят о том, что памятник был написан в последней четверти XII в. В связи с этим на историко-географической карте стоит проследить за распространением восточноцерковной организации у сербов в этот период — так можно получить контур, в верхнем, т. е. северном, (под)секторе которого мог возникнуть данный памятник. Затем следует вновь обратиться к языковым параметрам: учитывая, что в актуальном слое памятника (последний слой в тексте времени его создания) отсутствуют маркеры, характерные для призренско-южноморавского диалектного ареала, имеющиеся во всех книгах того времени, а также некоторые лексикализованные восточноюжнославянские черты, которые присутствуют почти во всех сохранившихся сербославянских памятниках (см. [Савић 2019: 163, 222–223; Савич 2017: 233–234]), место его создания нужно искать на периферии, отдаленной и от призренско-южноморавского ареала, простирающегося в культурном смысле на северо-запад до Раса (с 1020 г.)²² и на северо-восток от долины Большой Моравы (на территории нынешней Сербии), подверженной болгарскому влиянию; нужно исключить также крайний северо-западный пояс, самый ранний период которого недостаточно исследован, где могли сохраниться кирилло-мефодиевские традиции, заимствованные

²² С другой стороны, антиграф этого памятника весьма вероятно был создан в призренско-тимокской диалектной зоне (см. [Савић 2019: 192–194; Савич 2017: 233–234]).

из соседней Паннонии. «Свободной» остается узкая северо-западная часть Охридской архиепископии — часть сегодняшней центральной Сербии, а также Полимская область. Только теперь выводится гипотетическое заключение, но и оно должно основываться на фактах, т. е. на предшествующих научных выводах. Поскольку данный памятник содержит тип редакции, рано подвергшийся ограниченному влиянию восточноюжнославянского типа старославянского языка (только присутствие *št* и *žd* < посл. **tj* (**kti*, **gti*, **chti*), **dj*, а также **stj*, **zdj*; **skj*, **zgj*), и не отражает древнесербского литературно-языкового образца, который гипотетически проецируется на регион так называемой Крещеной Сербии Порфиригенета (ἡ βαλτισμένη Σερβλία) с географическим распространением от места слияния рек Врбас и Сава почти до места слияния Савы и Дуная [Живковић 2001: 13–17], наибольшая часть территории современной северо-западной Сербии отпадает; остается юго-западная кромка на границе современных Сербии, Боснии и Герцеговины и Черногории — Полимье, с которым связывается важное культурное наследие: здесь возводились монастыри близких родственников и потомков Стефана Немани, здесь находится село Затон — метох Жичской архиепископии, упомянутый в грамоте об основании (1219/1220 г.), на реке Лим (ныне между Биело-Поле и Беране) (ср. [Савић 2019: 223–224, 309–310]). Также нужно иметь в виду, что Номоканон с толкованиями — книга, которая переписывалась редко и предназначалась исключительно для епископов, именно так она могла оказаться в епископских монастырях. В этом ключе легко представляется связь «центр Зетской епископии в Иловице» → «метох сербского архиепископа в Затоне» | «центр Сербской архиепископии в Жиче» (ср. [Савич 2017: 238]).

Эту узкую в пространственном отношении область дополнительно квалифицирует факт археологически подтвержденного длительного присутствия церковной организации уже тогда, когда возведение каменных церквей было редкостью в глубине Балканского полуострова и вообще в сербских областях. Самой древней является именно трехлепестковая церковь Святого Йована в селе Затон, построенная по той же трехлепестковой модели, что и ктиторские церкви Св. Климента и Св. Наума в Охриде и некоторые дороманские

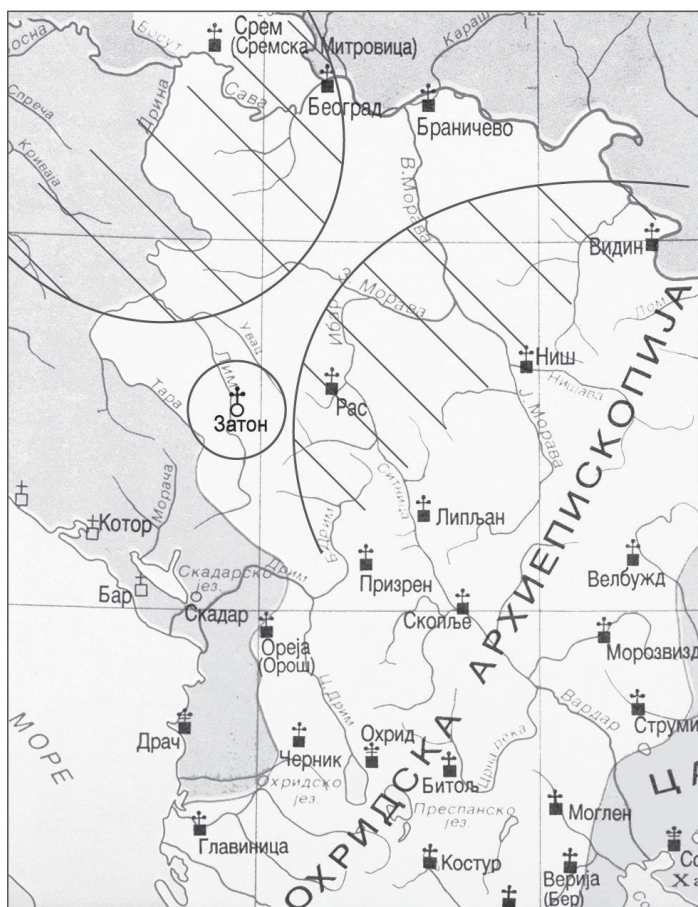

Рис. 2. Территория Охридской епископии, XI–XII век (византийская «Архиепископия Болгарии»), с отмеченными зонами влияния (заштрихованное) и обозначенным селом Затон²³

Fig. 2. Territory of the Ohrid Archbishopric, 11th–12th century (Byzantine *Archbishopric of Bulgaria*), with marked zones of influence and the village of Zaton marked on it

²³ Обозначения: ☩ — православная епископия; ☩ — православная архиепископия; ☩ — римско-католическая епископия; ☩ — православная церковь.

церкви в Приморье (данная церковь относится к периоду IX–X в.) [Ђурић 1994: 233–234]. К доказательному материалу относится и ранняя христианская топонимия этого региона, исследованная Александром Лома, — своим вульгарнолатинским происхождением она свидетельствует о существовании здесь раннесредневекового латинского христианства [Лома 1987: 11–13].

Таким образом, там, где доказано существование церковных центров, могла развиваться и сербская письменность, и данный памятник содержит в себе весьма древнюю и компактную линию, подтвержденную в эпиграфике того же края, а также отчасти и в Мирославовом Евангелии, которое также связано с этой областью [Савић 2019: 163, 177–179, 223].

7. Заключение

Лингвистическая материя в сербской диахронической лингвистике слишком долго была изолирована от потенциальных контекстуальных рамок. Только будучи помещенными в соответствующий контекст лингвистические факты приобретают настоящий смысл. Сопоставление различных слоев, т. е. различных видов знаний в разрезе одних и тех же временных и пространственных единиц, ведет к холистической картине предмета. Ни одна из исторически ориентированных научных дисциплин сама по себе больше не дает удовлетворительных ответов на поставленные вопросы, т. к. культурная история едина, а все наши знания о прошлом — своеобразные конструкторы, которые лишь в совокупности всех релевантных аспектов познания обретают убедительность и живость.

Литература

Благојевић 1999 — М. Благојевић (гл. ур.), Б. Јовановић, М. Панић-Шторх, С. Душанић, Ј. Максимовић, С. Мишић, Н. Самарцић, Р. Љушић, М. Ристовић,

- Љ. Димић. Историјски атлас. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства; Завод за картографију „Геокарта“, 1999.
- Богдановић, Недељковић 2020 — М. Богдановић, Ј. Недељковић. Библиографија академика Александра Младеновића // Археографски прилози. 2020. № 42. С. 159–213.
- Витић 2001 — З. Витић. Попис објављених радова Ђорђа Трифуновића // З. Витић, Т. Јовановић, И. Шпадијер. Словенско средњовековно наслеђе. Зборник посвећен професору Ђорђу Трифуновићу. Београд: Чигоја штампа, 2001. С. 9–34.
- Војводић 2012 — Д. Војводић. Представе светог Климента Охридског у зидном сликарству средњовековне Србије // Б. Крсмановић, Љ. Максимовић, Р. Радић. Византијски свет на Балкану. Вып. I. Београд: Византолошки институт САНУ, 2012. С. 145–167 + 9.
- Грицкат 1959–1960 — И. Грицкат. Библиографија радова професора Александра Белића // Јужнословенски филолог. 1959–1960. № 24. С. 49–84.
- Грицкат 1975 — И. Грицкат. Српска редакција црквенословенског језика // И. Грицкат. Студије из историје српскохрватског језика. Београд: Народна библиотека СР Србије, 1975. С. 27–39.
- Грковић-Мејџор 2011 — Ј. М. Грковић-Мејџор. О формирању српске редакције старословенског језика // Б. Тодић, М. Радујко (ур.). Ђурђеви ступови и Будимљанска епархија. Зборник радова. Беране; Београд: Епархија будимљанско-никшићка и др., 2011. С. 43–51.
- Ђорђић 1971 — П. Ђорђић. Историја српске ћирилице. Палеографско-филолошки прилози. Београд: Завод за издавање уџбеника СР Србије, [1971].
- Ђурић 1994 — В. Ђурић. Почети уметности код Срба // Д. Срејовић, М. Мирковић, Ј. Ковачевић, П. Ивић, С. Ћирковић, Љ. Максимовић, Ј. Калић, Д. Богдановић, В. Ј. Ђурић, Б. Ферјанчић, М. Благојевић, Г. Бабић-Ђорђевић, Р. Михалчић. Историја српског народа. Књ. 1: Од најстаријих времена до Маричке битке (1371). Изд. 2. Београд: Српска књижевна задруга, 1994. С. 230–248 [1981].
- Живковић 2001 — Т. Живковић. О северним границама Србије у раном средњем веку // Зборник Матице српске за историју. 2001. № 63–64. С. 7–17.
- Живковић 2004 — Т. Живковић. Црквена организација у српским земљама (рани средњи век). Београд: Историјски институт, 2004.
- Живковић 2009 — Т. Живковић. *Gesta regum Sclavorum*. Том II. Коментар. Београд: Историјски институт; Манастир Острог, 2009.
- Ивановић 2021 — М. Д. Ивановић. Виктор Савић, Српска књижевна реч у својим првим столећима, Подгорица; Друштво чланова Матице српске у Црној Гори; Ниш: Међународни центар за православне студије, 2019, 340 стр. // Српски језик. 2021. № 26. С. 679–687.

- Ивић 1987 — П. Ивић. Билтен Фонда за научна истраживања САНУ за 1986. год. № 12. Београд: САНУ, 1987. С. 94.
- Ивић 1990 — П. Ивић. О језику некадашњем и садашњем. Приштина: Јединство, 1990.
- Ковачевић 1890 — Љ. Ковачевић. Светостефанска хрисовуља // Споменик СКА. 1890. № 4. С. IX–XII, 1–23 + табл.
- Коматина 2016 — И. Коматина. Црква и држава у српским земљама од XI до XIII века. Београд: Историјски институт, 2016.
- Коматина 2020 — П. Коматина. Quis Ergo Presbyter Diocleas? Рана дубровачка историографија и Летопис попа Дукљанина // Историјски часопис. 2020. № 69. С. 189–226. DOI: 10.34298/IC2069189K.
- Куљбакин 1924 — С. Куљбакин. Бузукъ П., Къ вопросу о мѣстѣ написанія Маріинскаго Евангелія. (Отисак из „Извѣстія П. Отд. А. Н.“. XXIII. 1918, кн. 2, 109–149 с. с.) // Јужнословенски филолог. 1924. № 4. С. 219–222.
- Куљбакин 1925 — Ст. М. Куљбакин. Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци: СКА, 1925.
- Куљбакинъ 2008 — С. М. Куљбакинъ. Славянская палеографія. Бѣлградъ: Институт за српски језик САНУ, 2008.
- Лашкова 2010 — Л. Лашкова. Историјска фонологија словенских језика. Превели с бугарског Љ. Јоксимовић, В. Станишић. Београд: Филолошки факултет, 2010.
- Лома 1987 — А. Лома. Сутелица — топономастички трагови латинског хришћанства у унутрашњости преднемањичке Србије // Историјски гласник. 1987. № 1–2. С. 7–28.
- Лома 2013 — А. Лома. Топонимија Бањске хрисовуље. Београд: САНУ, 2013.
- Марковић 2010 — М. Марковић. Биобиблиографија академика Ирене Грицкат-Радуловић // Јужнословенски филолог. 2010. № 66. С. 51–108.
- Мереник 2017 — С. Мереник. Библиографија радова Стојана Новаковића // М. Анђелковић, М. Војводић, А. Костић (ур.). Стојан Новаковић: живот, дело и време. Поводом 175 година од рођења. Београд: САНУ, 2017. С. 267–314.
- Мереник, Црнчевић 2016 — С. Мереник, Д. Црнчевић. Библиографија Тибора Живковића // И. Р. Цвијановић (ур.). Споменица др Тибора Живковића. Београд: Историјски институт, 2016. С. 11–16.
- Палибрк-Сукић 2008 — [Н. Палибрк-Сукић]. Библиографија В. А. Мошина // В. А. Мошин. Под теретом: аутобиографија. Превод и коментари Н. Палибрк-Сукић. Београд: Народна библиотека Србије; Панчево: Градска библиотека, 2008. С. 263–283.
- Пентковский 2004 — А. Пентковский. Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии // Л. Тасева (от. ур.), М. Йовчева, К. Фос,

- Т. Пентковская (ур.). Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция. София, 26–28 јуни 2003. София: Изда-телска књажа „ГорексПрес“, 2004. С. 153–171.
- Поповић 2007 — И. Поповић. Историја српскохрватског језика. Превела са немачког М. Тетковић Павловић. Београд; Крагујевац; Лазаревац: Требник; Лира; Елвод принт, 2007.
- Савић 2014 — В. Савић. Черепишки типик и његово место међу српским типичима // Црквене студије. 2014. № 11. С. 577–600.
- Савић 2017 — В. Савић. Писар хиландарске повеље број 139/141 и Светостефанске хрисовуље. Палеографско-филолошко разматрање // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 2017. № 83. С. 131–142. DOI: 10.2298/PKJIF1783131S.
- Савић 2019 — В. Савић. Српска књижевна реч у својим првим столећима. Подгорица; Ниш: Матица српска — Друштво чланова у Црној Гори; Међународни центар за православне студије, 2019.
- Савич 2017 — В. Савич. Диалект и книжна норма в Михановичевом отрывке апостола: о происхождении памятника в свете более широких сербских литературно-языковых данных // В. С. Ефимова (отв. ред.). Славянское и балканское языкознание. Вып. 15. Палеославистика: Слово и текст. М.: Институт славяноведения, 2017. С. 225–240.
- Савич 2019 — В. Савич. Звуковое значение надстрочных знаков в Святостефанском хрисовуле (1317–1318) // В. С. Ефимова (отв. ред.). Славянское и балканское языкознание. Вып. 17. Палеославистика — 2. М.: Институт славяноведения, 2019. С. 314–348. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.16.
- Суботин-Голубовић, Пузовић 2016 — Т. Суботин-Голубовић, Ј. Пузовић. Библиографија радова академика Димитрија Богдановића // Археографски прилози. 2016. № 38. С. 19–35.
- Христова и др. 1982 — Б. Христова, Д. Караджова, А. Икономова. Български ръкописи од XI до XVIII век запазени в България. Своден каталог. Т. I. София: НБКМ, 1982.
- Чигоја 1994 — Б. Чигоја. Најстарији српски ћирилски натписи (графија, ортографија и језик). Београд: Чип штампа, 1994.
- Јгичь 1883 — И. В. Јгичь. Памятникъ глаголической письменности. Маринское Четвероевангелие, съ примѣчаниями и приложениями. СПб.: Типографія Императорской академіи наукъ, 1883.
- Brozović 1970 — D. Brozović. O početku hrvatskog jezičnog standarda // Kritika. 1970. God. 3. Br. 10. S. 21–42 [O početku hrvatskoga jezičnog standarda // Standardni jezik. Teorija; usporedbe; geneza; povijest; suvremena zbilja. Zagreb: Matice hrvatska, 1970. S. 127–158].

- Bujan 2008 — S. Bujan. La Chronique du Prêtre de Dioclée — un faux document historique // *Revue des études byzantines*. 2008. № 66. P. 5–38. DOI: 10.3406/rebyz.2008.3031.
- Bujan 2011 — S. Bujan. Orbinijevo izdanje „Ljetopisa popa Dukljanina“: povijesni falsifikat // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2011. № 43. S. 65–80.
- Djordjić 1984 — Dr Petar Djordjić, redovni profesor // *Bibliografija radova saradnika Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu — Filozofski fakultet, 1984. S. 503–506.
- Fučić 1982 — B. Fučić. Glagoljski natpisi. Zagreb: JAZU, 1982.
- Harman 1965 — G. H. Harman. The Inference to the Best Explanation // *The Philosophical Review*. 1965. № 74/1. P. 88–95.
- Jagić 1868 — V. Jagić. Gradja za glagolsku paleografiju. I: Mihanovićev odlomak apostolara glagolskoga; rukopis roda hrvatskoga // *Rad JAZU*. 1868. № 2. S. 1–35 + 2.
- Jagić 1874 — V. Jagić. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa. VIII. Krmčaja ilovička godine 1262 // *Starine JAZU*. 1874. № VI. S. 60–111.
- Jagić 1893 — V. Jagić. Grškovičev odlomak glagolskog apostola // *Starine JAZU*. 1893. № 26. S. 33–161 + 8.
- Lisac 2003 — J. Lisac. Hrvatska dijalektologija. 1: Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja. Zagreb: Golden marketing; Tehnička knjiga, 2003.
- Mošin 1955 — V. Mošin. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I. dio: Opis rukopisa. Zagreb: JAZU, 1955.
- Pierce 1974 — Hartshorne, P. Weiss (eds.). *Collected Papers of Charles Sanders Pierce*. Vol. V. Pragmatism and Pragmaticism. Vol. VI. Scientific Metaphysics. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1974.
- Šafařík 1853 — P. J. Šafařík. Památky hlaholského písemnictví. V Praze: Tiskem císařského dvorského knihtiskárny synův Bohumila Haase, 1853.
- Štefanić 1969 — V. Štefanić. Glagoljski rukopisi Jugoslavenske akademije. I dio: Uvod, Biblija, apokrif i legende, liturgijski tekstovi, egzorcizmi i zapisi, molitvenici, teologija, crkveni govori (homiletika), pjesme. Zagreb: JAZU, 1969.

References

- Blagojević 1999 — M. Blagojević (ed.-in-chief), B. Jovanović, M. Panić-Štorh, S. Dušanić, Lj. Maksimović, S. Mišić, N. Samardžić, R. Ljušić, M. Ristović, Lj. Dimić. *Istorijski atlas* [Historical atlas]. Belgrade: Institute for Textbooks and Teaching Aids; Institute of Cartography “Geokarta”, 1999.

- Bogdanović, Nedeljковић 2020 — M. Bogdanović, J. Nedeljковић. Bibliografija akademika Aleksandra Mladenovića [Bibliography of Academician Aleksandar Mladenović]. *Arheografski prilozi*. 2020. No. 42. P. 159–213.
- Brozović 1970 — D. Brozović. O početku hrvatskog jezičnog standarda [On the beginning of the Croatian language standard]. *Kritika*. 1970. God. 3. Br. 10. P. 21–42 [O početku hrvatskoga jezičnog standarda. Standardni jezik. Teorija; usporedba; geneza; povijest; suvremena zbilja [The beginning of the Croatian Language Standard. Standard Croatian. Theory, usage, genesis, history, modern status]]. Zagreb: Matica hrvatska, 1970. P. 127–158].
- Bujan 2008 — S. Bujan. La Chronique du Prêtre de Dioclée — un faux document historique. *Revue des études byzantines*. 2008. No. 66. P. 5–38. DOI: 10.3406/rev-byz.2008.3031.
- Bujan 2011 — S. Bujan. Orbinijevo izdanje „Ljetopisa popa Dukljanina“: povijesni falsifikat [Orbini’s edition of the “Chronicle of the priest of Dioclea”: a historical forgery]. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2011. No. 43. P. 65–80.
- Čigoja 1994 — B. Čigoja. *Najstariji srpski ćirilski natpisi (grafija, ortografija i jezik)* [The oldest Serbian Cyrillic inscriptions (graphics, orthography and language)]. Belgrade: Čip Press, 1994.
- Djordjić 1984 — Dr Petar Djordjić, redovni profesor. *Bibliografija radova saradnika Filozofskog fakulteta u Novom Sadu* [Bibliography of works by associates of the Faculty of Philosophy in Novi Sad]. Novi Sad: University of Novi Sad — Faculty of Philology, 1984. P. 503–506.
- Dorđić 1971 — P. Dorđić. *Istorija srpske ćirilice. Paleografsko-filološki prilozi* [History of Serbian Cyrillic. Palaeographic-philological contributions]. Belgrade: Institute for Textbook Publishing of SR Serbia, [1971].
- Đurić 1994 — V. Đurić. Počeci umetnosti kod Srba [The beginnings of art among Serbs]. D. Srejšević, M. Mirković, J. Kovačević, P. Ivić, S. Ćirković, Lj. Maksimović, J. Kalić, D. Bogdanović, V. J. Đurić, B. Ferjančić, M. Blagojević, G. Babić-Đorđević, R. Mihaljević. *Istorija srpskog naroda*. Prva knj.: Od najstarijih vremena do Maričke bitke (1371) [History of the Serbian nation. Vol. 1: From the earliest times to the Battle of Marica (1371)]. Belgrade: Srpska književna zajednica, 1994. P. 230–248.
- Fučić 1982 — B. Fučić. *Glagoljski natpisi* [Glagolitic inscriptions]. Zagreb: JAZU, 1982.
- Grickat 1959–1960 — I. G. Bibliografija radova profesora Aleksandra Belića [Bibliography of works by Professor Aleksandar Belić]. *Južnoslovenski filolog*. 1959–1960. No. 24. P. 49–84.
- Grickat 1975 — I. Grickat. Srpska redakcija crkvenoslovenskog jezika [The Serbian redaction of the Church Slavonic language]. I. Grickat. *Studije iz istorije*

- srpskohrvatskog jezika* [Studies in the history of the Serbo-Croatian language]. Belgrade: National Library of SR Serbia, 1975. P. 27–39.
- Grković-Major 2011 — J. M. Grković-Major. O formiranju srpske redakcije staro-slovenskog jezika [On the formation of the Serbian Church Slavonic]. B. Todić, M. Radujko (eds.). *Đurđevi stupovi i Budimljanska eparhija. Zbornik radova* [Djurdjevi stupovi and the Eparchy of Budimlja. Collection of papers]. Berane; Belgrade: Bishopric of Budimlja and Nikšić et al., 2011. P. 43–51.
- Harman 1965 — G. H. Harman. The Inference to the Best Explanation. *The Philosophical Review*. 1965. No. 74/1. P. 88–95.
- Ivanović 2021 — M. D. Ivanović. Viktor Savić, Srpska književna reč u svojim prvim stolećima, Podgorica: Društvo članova Matice srpske u Crnoj Gori — Niš: Međunarodni centar za pravoslavne studije, 2019, 340 str. [Viktor Savić, Early centuries of the Serbian literary language. Podgorica: Matica srpska — Association of members in Montenegro, Niš: International Center for Orthodox Studies, 2019, 340 p.]. *Srpski jezik*. 2021. No. XXVI. P. 679–687.
- Ivić 1987 — P. Ivić. *Bilten Fonda za naučna istraživanja SANU za 1986. God.* No. 12. [Bulletin of SASA Scientific Research Foundation for 1986. No. 12.]. Belgrade: SASA, 1987. P. 94.
- Ivić 1990 — P. Ivić. *O jeziku nekadašnjem i sadašnjem* [About the language of the past and of the present]. Priština: Jedinstvo, 1990.
- Jagić 1868 — V. Jagić. Gradja za glagolsku paleografiju. I: Mihanovićev odlomak apostolara glagolskoga; rukopis roda hrvatskoga [Material for Glagolitic palaeography. I: Mihanović's fragment from the Glagolitic Apostle; Croatian manuscript]. *Rad JAZU*. 1868. No. 2. P. 1–35 + 2.
- Jagić 1874 — V. Jagić. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa. VIII. Krmčaja ilovička godine 1262 [Descriptions and excerpts from several South Slavic manuscripts. VIII. Kormčaja of Ilovlca from the year 1262]. *Starine JAZU*. 1874. No. VI. P. 60–111.
- Jagić 1893 — V. Jagić. Grškovićev odlomak glagolskog apostola [Gršković's fragment from the Glagolitic Apostle]. *Starine JAZU*. 1893. No. 26. P. 33–161 + 8.
- Khristova et al. 1982 — B. Khristova, D. Karadzhova, A. Ikonomova. *Bŭlgarski rŭkopisi od XI do XVIII vek zapazeni v Bŭlgariya*. Svođen katalog [Bulgarian manuscripts from the 11th — 18th centuries preserved in Bulgaria. Union catalog]. Vol. I. Sofia: NBKM, 1982.
- Komatina I. 2016 — I. Komatina. *Crkva i država u srpskim zemljama od XI do XIII veka* [The Church and the state in Serbian lands in the XI — XIII centuries]. Belgrade: Institute of History, 2016.
- Komatina P. 2020 — P. Komatina. Quis Ergo Presbyter Diocleas? Rana dubrovačka istoriografija i Letopis popa Dukljanina [Quis Ergo Presbyter Diocleas? Early

- Ragusan historiography and the Chronicle of the priest of Dioclea]. *Istorijski časopis*. 2020. No. LXIX. P. 189–226. DOI: 10.34298/IC2069189K.
- Kovačević 1890 — Lj. Kovačević. Svetostefanska hrisovulja [The Chrysobull of Saint Stephen]. *Spomenik SKA*. 1890. No. 4. P. IX–XII, 1–23 + tabl.
- Kulьbakinъ 2008 — S. M. Kulьbakinъ. *Slavyanskaya paleografiya* [Slavic palaeography]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 2008.
- Kuljbakin 1924 — S. Kuljbakin. P. Buzuk. Къ voprosu o mēštē napisaniya Mariinska-go Evangeliya. (Otisak iz „Izvēstiya II. Otd. A. N.“. XXIII. 1918, kn. 2, 109–149 s. s.) [The question of the place of where the Codex Marianus was written revisited. (Imprint from “The report of the II Depart. of the Academy of Sciences”. XXIII. 1918. Vol. 2. P. 109–149)]. *Južnoslovenski filolog*. 1924. No. 4. P. 219–222.
- Kuljbakin 1925 — St. M. Kuljbakin. *Paleografska i jezička ispitivanja o Miroslav-ļevom jevanđelju* [Palaeographic and linguistic examinations of Miroslav’s Gospel]. Sremski Karlovci: SRA, 1925.
- Laškova 2010 — L. Laškova. *Istorijska fonologija slovenskih jezika* [Historical phonology of Slavic languages]. Translated from Bulgarian by Lj. Joksimović, V. Stanišić. Belgrade: Faculty of Philology, 2010.
- Lisac 2003 — J. Lisac. *Hrvatska dijalektologija. 1: Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja* [Croatian dialectology. 1: Croatian dialects and subdialects of the Štokavian vernacular and Croatian subdialects of the Torlak vernacular]. Zagreb: Golden marketing; Tehnička knjiga, 2003.
- Loma 1987 — A. Loma. Sutelica — toponomastički tragovi latinskog hrišćanstva u unutrašnjosti prednemanjičke Srbije [Sutelica — toponymic traces of Latin Christianity in the interior of Pre-Nemanjić Serbia]. *Istorijski glasnik*. 1987. No. 1–2. P. 7–28.
- Loma 2013 — A. Loma. *Toponimija Banjske hrisovulje* [Toponymy of the Banjska Chrysobull]. Belgrade: SASA, 2013.
- Marković 2010 — M. Marković. Bibliografija akademika Irene Grickat-Radulović [Bibliography of Academician Irena Grickat-Radulović]. *Južnoslovenski filolog*. 2010. No. 66. P. 51–108.
- Merenik 2017 — S. Merenik. Bibliografija radova Stojana Novakovića [Bibliography of works by Stojan Novaković]. M. Anđelković, M. Vojvodić, A. Kostić (eds.). *Stojan Novaković: život, delo i vreme. Povodom 175 godina od rođenja* [Stojan Novaković: his life, work and time. On the occasion of the 175th anniversary of Stojan Novaković]. Belgrade: SASA, 2017. P. 267–314.
- Merenik, Crnčević 2016 — S. Merenik, D. Crnčević. Bibliografija Tibora Živkovića [Bibliography of Tibor Živković]. I. R. Cvijanović (ed.). *Spomenica dr Tibora*

- Živkovića [Homage to Tibor Živković]. Belgrade: Institute of History, 2016. P. 11–16.
- Mošin 1955 — V. Mošin. *Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije*. I. dio: Opis rukopisa [Cyrillic manuscripts of the Yugoslav Academy. Pt. I: Description of the manuscripts]. Zagreb: JAZU, 1955.
- Palibrk-Sukić 2008 — [N. Palibrk-Sukić]. Bibliografija V. A. Mošina [Bibliography of V. A. Mošin]. V. A. Mošin. *Pod teretom: autobiografija* [Under burden: autobiography]. Translation [from Russian] and commentaries by N. Palibrk-Sukić. Belgrade; Pančevo: National Library of Serbia; City Library, 2008. P. 263–283.
- Pentkovskiy 2004 — A. Pentkovskiy. Ierusalimskiy ustav i ego slavyanskije perevodi v XIV stoletii [The Jerusalem Typicon and its Slavic translations of the 14th century]. L. Taseva (ed.-in-chief), M. Yovcheva, Ch. Foss, T. Pentkovskaya (eds.). *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite. Dokladi ot mezhdunarodnata konferenciya* [Translations in the 14th century in the Balkans. Proceedings of the international conference]. Sofia, 26–28 June 2003. Sofia: Publishing House “Goreks-Pres”, 2004. P. 153–171.
- Pierce 1974 — Ch. Hartshorne, P. Weiss (eds.). *Collected Papers of Charles Sanders Pierce*. Vol. V. Pragmatism and Pragmaticism. Vol. VI. Scientific Metaphysics. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1974.
- Popović 2007 — I. Popović. *Istorija srpskohrvatskog jezika* [History of the Serbo-Croatian language]. Translated from German by M. Četković Pavlović. Belgrade; Kragujevac; Lazarevac: Trebnik; Lira; Elvod print, 2007.
- Savich 2017 — V. Savich. Dialekt i knizhnaya norma v Mikhanovichevom otryvke apostola: o proiskhozhdenii pamyatnika v svete bolee shirokikh serbskikh literaturno-yazykovykh dannykh [Dialect and literary norm in Mihanović’s Apostle fragment: On the origins of the monument in the light of wider Serbian literary and linguistic data]. V. S. Efimova (ed.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie*. Vyp. 15. Paleoslavistika: Slovo i tekst [Slavic and Balkan linguistics. Iss. 15. Palaeoslavistics: Word and text]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2017. P. 225–240.
- Savich 2019 — V. Savich. Zvukovoe znachenie nadstrochnykh znakov v Svyatostefanskom khrisovule (1317–1318) [The sound value of diacritics in the Chrysobull of Saint Stephen]. V. S. Efimova (ed.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie*. Vyp. 17. Paleoslavistika — 2 [Slavic and Balkan linguistics. Iss. 17. Palaeoslavistics — 2]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2019. P. 314–348. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.16.
- Savić 2014 — V. Savić. Čerepiški tipik i njegovo mesto među srpskim tipicima [The Typikon of Cherepish and its place among Serbian typika]. *Crkvene studije*. 2014. No. 11. P. 577–600.

- Savić 2017 — V. Savić. Pisar hilendarske povelje broj 139/141 i Svetostefanske hrisovulje. Paleografsko-filološko razmatranje [Scribe of the Hilandar Charter No. 139/141 and the Chrysobull of Saint Stephen. Palaeographic-philological consideration]. *Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor*. 2017. No. 83. P. 131–142. DOI: 10.2298/PKJIF1783131S.
- Savić 2019 — V. Savić. *Srpska književna reč u svojim prvim stolećima* [Early centuries of the Serbian literary language]. Podgorica; Niš: Matica srpska — Association of members in Montenegro; International Center for Orthodox Studies, 2019.
- Subotin-Golubović, Puzović 2016 — T. Subotin-Golubović, Lj. Puzović. Bibliografija radova akademika Dimitrija Bogdanovića [Bibliography of works by Academician Dimitrije Bogdanović]. *Arheografski prilozi*. 2016. No. 38. P. 19–35.
- Šafařík 1853 — P. J. Šafařík. *Památky hlaholského písemnictví* [Monuments of Glagolitic Writings]. V Praze: Tiskem cis. král. dvorské knihtiskárny synův Bohumila Haase, 1853.
- Štefanić 1969 — V. Štefanić. *Glagoljski rukopisi Jugoslavenske akademije*. I dio: Uvod, Biblija, apokrifi i legende, liturgijski tekstovi, egzorcizmi i zapisi, molitvenici, teologija, crkveni govori (homiletika), pjesme [Glagolitic manuscripts of the Yugoslav Academy. Pt. I: Introduction, Bible, apocrypha and legends, liturgical texts, exorcisms and notes, prayer books, theology, church preaching (homiletics), poems]. Zagreb: JAZU, 1969.
- Vitić 2001 — Z. Vitić. Popis objavljenih radova Đorđa Trifunovića [List of published works by Đorđe Trifunović]. Z. Vitić, T. Jovanović, I. Špadijer (eds.). *Slovensko srednjovekovno nasleđe. Zbornik posvećen profesoru Đorđu Trifunoviću* [Slavic medieval heritage. Collection dedicated to Professor Đorđe Trifunović]. Belgrade: Čigoja Press, 2001. P. 9–34.
- Vojvodić 2012 — D. Vojvodić. Predstave svetog Klimenta Ohridskog u zidnom slikarstvu srednjovekovne Srbije [Representations of St. Clement of Ohrid in the wall paintings of the medieval Serbia] B. Krsmanović, Lj. Maksimović, R. Radić (eds.). *Vizantijski svet na Balkanu* [The Byzantine world in the Balkans]. Vol. I. Belgrade: The Institute for Byzantine Studies, 2012. P. 145–167 + 9.
- Yağičihъ 1883 — I. V. Yağičihъ. *Pamyatnikъ glagolicheskoy pis'mennosti. Mariinskoe chetveroevangelie, sъ priměchaniyami i prilozheniyami* [Quattuor evangeliorum versionis Palaeoslovenicae. Codex Marianus glagoliticus, characteribus cyrillicis transcriptum]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1883.
- Živković 2001 — T. Živković. O severnim granicama Srbije u ranom srednjem veku [On the northern borders of Serbia in the early middle ages]. *Zbornik Matice srpske za istoriju*. 2001. No. 63–64. P. 7–17.

Živković 2004 — T. Živković. *Crkvena organizacija u srpskim zemljama (rani srednji vek)* [Organization of the Church in Serbian lands (early middle ages)]. Belgrade: Institute of History, 2004.

Živković 2009 — T. Živković. *Gesta regum Sclavorum*. Vol. II. Comments. Belgrade: Institute of History; Ostrog Monastery, 2009.

Получено / received 05.09.2022

Приято / accepted 16.04.2023